

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ: Поэт должен разделять иллюзии своего народа

Гостем «Прямой линии» «Известий» на этот раз был поэт Андрей Вознесенский. Мы боялись, что звонков будет немного: во-первых, лето. А во-вторых, ну кому, казалось бы, сегодня нужна поэзия? Где те стадионы, те Политехнические? Зря бо-
ялись! Люди звонили и спрашивали буквально обо всем.

— Добрый день. Меня зовут Игорь, я из Москвы. У меня немного непрофильный вопрос. Вот сейчас проходит чемпионат мира по футболу, всех это затрагивает, тем более что наша команда неудачно выступила. Вы болельщик или не болельщик?

— Конечно болельщик. Жалко, что наши проиграли. Сычев нормально играл, а так, конечно, они плохо двигаются все.

— А сами вы каким-то спортом занимаетесь?

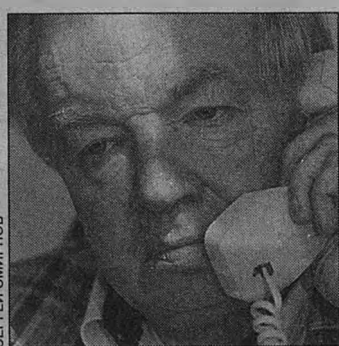
— Я плаванием занимался и параселлингом.

— Я москвич, мне 49 лет. Не кажется ли вам, что мы страна в настоящее время антисемитская, националистическая, страна головорезов, у которой будущего лет 30 как минимум не будет?

— Про страну я бы так не сказал, вы ведь в ней живете. А вы не антисемит. Действительно, головорезов слишком много. Страшно, конечно, но надеюсь, что это пройдет быстрее чем за 30 лет.

— Андрей Андреевич, это Иван Иванович из Москвы вас беспокоит. Крутом бушует рынок, а на экране, в стихах, в песне мы его не видим. Почему художественная интеллигенция не отражает рынок в своем творчестве?

— Она, по-моему, не просто отражает, но сама участвует в рынке и продает все что можно. Реклама на телевидении — рынок. Да и во всех сериалах он тоже отражается. И у меня в стихах вы най-

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

дете про рынок, и где угодно. Я за рынок, потому что это жизнь. Блок ненавидел буржуазность, и я тоже как поэт к этому плохо отношусь, но, с другой стороны, надо же стране что-то жрать.

— Но сталкиваетесь с тем, что кого-то убили, что-то захватили. Вместо красивого стало безобразное. Взять хоть Переделкино...

— Да, видимо, сейчас начнут застраивать поле пастернаковское. Там не посадили на этот раз ничего. Года четыре назад убили директора совхоза, который не давал поле никому. Боролись, трепыхались. Губернатор Громов обещал, что не тронут Переделкино, он же у нас там живет. Но сейчас приезжают люди с какими-то бумагами, говорят: моя дача тут будет, а моя — тут. Какая-то большая могучая мафия.

(Окончание на 12-й стр.)

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ: Поэт должен разделять иллюзии своего народа

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Но вы за рынок тем не менее?

— Да. Есть ведь и другие рыночники. Мамут, например, субсидирует науку. Неважно, откуда деньги пришли, важно, куда они уходят.

— Андрей Андреевич, я житель города Узловая, Тульской области, Виктор Михайлович Селютин. Город небольшой, но с ним связаны имена Зои Воскресенской и Владимира Максимова. Для себя я определил группу людей, которых называю «совестью России». Патриарх Алексий, Дмитрий Лихачев, министр Шевченко, Иосиф Кобзон. Вы туда тоже входите.

— Спасибо.

— Я хотел бы посоветоваться. В нашем районе, пострадавшем от Чернобыля, есть село Высоцкое, где проживает меньше 100 человек, в основном женщины 60, 70 и 80 лет. Там разрушенная церковь, маленькая-маленькая. В будущем году ей 250 лет. Решили возродить, уже семь месяцев идут службы. Но как же тяжело идет сбор средств! За все время собрали 31 тысячу рублей, заказали рамы — и все. Что делать?

— Давайте напечатать ваш вопрос. Я рад, что вы из города, где жил Владимир Максимов, как раз «большая совесть» нашей страны. Это был удивительный человек даже не романами, а своим поведением.

— Может быть, ваше имя поможет получить маленькое пожертвование? От тех, у кого дачи выше храма Христа Спасителя. Может, у них совесть пробудится?

— Вот я сегодня письмо получил. Пишет человек, который искал себя, окрестился, на второй день пошел в церковь причащаться, а там отпевают местного авторитета уголовного, замочили в разборке. Увидел, как над ним порхают попы, как бабочки, развернулся, ушел.

— Это Александр Воропаев из Москвы. Вот такой вопрос: насколько сопоставимы тиражи тех книг, которые выходят у вас сейчас, с вашими тиражами советского времени?

— Они астрономически не совпадают. Раньше книги выходили тиражом 100, 200 тысяч, сейчас 5–10 тысяч — уже хорошо.

— Не означает ли это падения в обществе интереса к поэзии?

— Думаю, что нет. Раньше на стадионы приходили люди, которые хотели услышать рок-н-ролл, а им его не давали. Религия была запрещена. И все это возмещалось поэзией. Сейчас поэзия сама по себе, и слава Богу, что книги раскупаются. Раньше были дешевые книги, но их было не достать. Сейчас дорого, а интеллигенция не имеет денег, учителя не имеют денег, студенты не имеют денег.

— Андрей Андреевич, как вы сегодня оцениваете свою поэму «Лонжюмо»? Есть ли у вас вещи, от которых хотелось бы отказаться? Или каждую строчку готовы и сегодня подписать?

— Конечно, я готов подписать каждую строчку, потому что тогда это было искренне и шло с небес. Вот этот ритм, который там есть, и все это... Поэт должен разделять иллюзии своего народа. Здесь я шел за Пастернаком. Он встретился у гроба Ленина с Мандельштамом. Оба пришли туда не для того, чтобы плюнуть в него, а чтобы проститься. Поэт Олег Хлебников говорил, что его учитель называл «Лонжюмо» антисоветской вещью. Тогда ведь Ленин был анти-Сталиным. В третьем томе собрания сочинений, выходящего в «Вагриусе», я восстановил «Лонжюмо» так, как было написано. Без купюр.

— Андрей Андреевич, можно задать вам вопрос как архитектору? Как обстоят дела с вашей смелой, дерзкой, не знаю, какое слово подобрать, попросту говоря, гениальной идеей спроектировать православный храм в современном авангардном стиле?

— Вы знаете, пока руки не дошли. И вообще до меня долго доходит сама архитектурная идея. Только что сделал памятник своим родителям в виде шара на Новодевичьем кладбище. Так что и храм, думаю, сделаю.

— Здравствуйте. Меня зовут Даша. У меня такой вопрос: насколько любовь является вашим источником вдохновения?

— Я думаю, только она и является.

— И как часто вы испытывали это чувство?

— Посмотрите на мои стихи, поймете сами.

— А вообще без любви может существовать какая-то лирика?

— Думаю, не может. Твардовский, возможно, и был великим поэтом, но у него нет лирики, и поэтому в каком-то смысле я не считаю его настоящим поэтом.

— Как вы относитесь к Пелевину?

— Неплохо отношусь. Я как-то сделал строчку такую: Пелевин — Пеле вин, то есть по-украински как бы «он — Пеле». Он интересный, конечно, писатель, но, честно говоря, это не моя чашка чая.

— Андрей Андреевич, вас считают новатором в поэзии, в ритмах, в построении стиха. А в чем вы сами видите это новаторство?

— Я просто прислушиваюсь к голосу сверху. Иногда получается новаторская вещь, иногда нет. Бывают и прозрения. Например, появилась Анастасия, дочь Николая II, и вдруг я вспомнил, что у меня были стихи, которые называются «Русские имена» и кончаются так: «...словно анестезия/от волшебного сна,/имя Анастасия/Николаевна».

— Нравится ли вам зарубежная поэзия?

— Ну конечно. Это Роберт Лозулл, с одной стороны, с другой — Аллен Гинзберг, с которым я дружил очень. Один представляет академическую, университетскую поэзию, другой — площадную, битническую. Сейчас в английском языке лучший поэт Шимус Хини.

— А из наших?

— Из классиков — Хлебников, Цветаева, Пастернак, Северянин, Крученых. Современники — Ахмадулина, конечно, Чухонцев, Юнна Мориц, Елена Кацюпа. Молодые — они еще не стали личностями, но поэты уже интересные — Радовская, Еремеев, Скрынников.

— А есть какой-то поэт, которого вы считаете своим сенсеем, на которого равнялись, когда только начинали писать стихи?

— Это Пастернак, конечно. Я вам скажу строчечку, которая у меня не опубликована, о Серебряном веке: Мы, продавшие смысл человека,/ нам продавшим в себе человека,/ не помогут ни травка, ни бром,/ мы балдеем Серебряным веком,/ как Иуда балдел серебром.

— Добрый день, меня зовут Евгений, я музыкант, мне 24 года. Что вы думаете по поводу того, что из нашей жизни в последнее время исчезает интеллигенция потихонечку?

— Ужасно, ведь это явление было только у нас. Появляются интеллектуалы западного типа, например, Леонид Десятников или Рената Литвинова. А вот западные люди, такие как Артур Миллер, Гюнтер Грасс, по-моему, превращаются в интеллигентов.

— Здравствуйте. Меня зовут Ирина, я из города Березники. Ваше произведение последнее «Шарпей» очень образно получилось. Есть реальная собака, да?

— Да, конечно. Сейчас у людей как-то честь потеряна, а у собаки она есть, любовь тоже, страсть, чистая совершенно. Кто-то сказал: чем больше я гляжу на людей, тем больше люблю собак. Поэтому шарпей здесь больше, чем просто пес, хотя, конечно, есть конкретная собака. И она роскошная, вся в морщинах таких. И умная. И потом их Мао Цзэдун уничтожал, знаете, да? Так что она диссидентка большая.

Юлия РАХАЕВА